

Дарья Коршунова

*Доброта
теряет
посредников*

Дневник Марии

Дарья Андреевна Коршунова
Доброта теряет посредников.
Дневник Марии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29411503

ISBN 9785449033499

Аннотация

Обычная девочка, обычная жизнь... Вот только много вопросов и мало ответов. Спектр эмоций, ворвавшийся в жизнь. И трагедия, которую слишком сложно принять.

Содержание

1 глава	6
2 глава	12
3 глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Доброта теряет посредников Дневник Марии

**Дарья Андреевна
Коршунова**

© Дарья Андреевна Коршунова, 2018

ISBN 978-5-4490-3349-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время над нами безжалостно. Впрочем, как и мы в попытке угнаться за ним. В попытке стать кем-то великим или хотя бы значимым, в большей степени даже не для собственного удовлетворения от достигнутой цели, а для того, чтобы нас признали окружающие. Нам нужны сплетни, интриги, популярность. Будто бы это делает жизнь интересной. А мы просто сливаемся в одну серую массу лицемеров, утопая в бессмысленной суете, уничтожая вокруг и в себе всё самое лучшее. Мы люди, самые разумные существа на планете создаём хаос и безумие. И кажется, ещё немного и это станет уделом вечности.

Жан-Поль Сартр когда-то сказал: «Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.» Что ж, истина согласовывается с действительностью, её не найдешь в мечтах, как не встретишь там и разочарование. А вот где грань между мечтой и реальностью? Наверное, мечтатели отказываются видеть эти границы. И разве принимали бы мы действительность как разочарование, если бы не мечтали? И в чём же всё-таки истина?

Мы всё реже задаёмся подобными вопросами. Видимо, боимся потерять время, зная, что навряд ли получим ответы, следовательно снова столкнёмся с разочарованием. А ведь действительно это страшно и крайне неприятно. Это то, чего мы боимся. Боимся сильнее всяких пауков и монстров под кроватями. В одних случаях мы боимся разочароваться, а в других – разочаровать. И так с каждым человеком на протяжении всей жизни. Для меня это было не мнением, а фактом. Факт остался фактом, но некоторые люди и события в моей жизни заставили меня поменять о нём своё мнение.

1 глава

Люблю выходить на улицу без определённой цели. Просто склоняться по городу, маячить среди незнакомых людей. Вглядываться в их лица, пытаюсь угадать мысли и чувства. Чаще всего на лицах читается раздражение. Их обладатели вечно куда-то спешат, проклиная погоду и толпу. Бывают лица – лишь нейтральные маски, не выражающие никаких эмоций. Чуть реже встречаются лица печальные и уставшие, если не сказать измученные. Уж совсем редко увидишь людей с искренними улыбками. Вероятнее всего, случилось что-то выгодное им, и люди в мыслях покидают наш мир. Но вскоре они возвращаются в реальность, и исчезают их кратковременные улыбки. Тогда эти люди тоже распределяются в три вышеупомянутые категории. От этих лиц и городского шума быстро устаёшь. Поэтому мне нравится, когда удаётся найти какой-нибудь пустынный двор или немногочисленный переулок с удобными лавочками. В такие места я беру с собой книгу и блокнот с ручкой (на случай, если пожалует вдохновение). Недавно я открыла для себя новое место для отдыха, которое стало мною самым посещаемым, – пруд в парке, на окраине города. Он скрыт сплошными рядами деревьев и находится за оврагом, поэтому сюда мало кто заходит, благодаря чему этот маленький уголок Земли остаётся чистым и уютным. Нигде не валяются фантики, окурки

и прочий мусор, оставляемый людьми, не ценивших красоту и значимость природы. Я в своей жизни видела немного прудов и считала, что они все очень похожи друг на друга. И этот пруд, самый обычный, такой же как и все. Но со временем он стал казаться мне... волшебным. Впрочем, я же немного видела прудов.

Сегодня я с предвкушением приятного времяпровождения уютно расположилась на траве. Постелила плед, сняла кроссовки, и облокотившись на локти и щурившись от солнца, осмотрелась вокруг. Первый месяц лета. Лучи солнца приятно грели, но не обжигали. Доносились звуки маленьких летающих живых существ. Никого из людей не было, но я не чувствовала себя одиноко, ведь я была с природой, а значит со всем миром. Мне захотелось танцевать. Через мгновение я была самым счастливым человеком, потому что среди великолепной красоты танцевала босиком под музыку Ennio Morricone, звучащую на всю громкость в моих наушниках. Я чувствовала лёгкий ветерок на лице, вдыхала свежий воздух с приятным запахом сочной травы, которую ощущала под ногами. Странное чувство: не думать ни о чём, но при этом осознавать, что у тебя в голове множество мыслей. Я не могла их разобрать и не пыталась. Это ни к чему, я танцевала и мне не хотелось останавливаться. Да и зачем? Но невольно всё-таки я уловила мысль, и она меня насторожила. Я представила, как выгляжу со стороны. Мягко говоря, весьма забавно. Наверное, если бы кто-то меня тогда уви-

дел, принял бы за сумасшедшую. «Хорошо, что здесь никого нет, кроме меня... А вдруг есть? «Вот, и попалась следующая мысль: мне было страшно. Как быстро можно скатиться от беззаботного наивного блаженства к обычным, земным и неприятным человеческим ощущениям. Я с опасением открыла глаза, и мой взгляд упёрся в водную гладь. И вдруг на воде какая-то вспышка. Что это? Солнечные блики или... неужели фотоаппарат? Нет, этого не может быть. Я медленно перевела взгляд и от удивления и неожиданности вздрогнула. На берегу, примерно в восьми шагах от меня, боком стояла девушка с длинными русыми волосами. При солнечном свете они чуть отдавали рыжиной. Девушка была одета в джинсы и клетчатую рубашку. В руках держала фотоаппарат. Она, не обращая на меня никакого внимания, присела на корточки и сфотографировала что-то среди тростника. В моих ушах продолжала звучать композиция Ennio Morricone. Как странно. Вероятно, это эффект дежавю. Мне казалась, что я уже видела эту картину: девушка, пруд, я помню запах травы и музыку, помню, что даже ощущала ветерок. Может мне это снилось? Тем временем девушка встала и обернулась ко мне с обворожительно-милой, доброжелательной улыбкой. Её губы зашевелились, но я не слышала, что она говорила. Смутившись (что мне очень свойственно), я пыталась выключить плеер, не доставая его из кармана. Но нервно перебирая пальцами, я жала не на те кнопки. Наконец, я догадалась вытащить наушники из ушей.

– Что? – переспросила я. Мой голос прозвучал как-то неестественно, смешно-пискляво, и я ещё больше почувствовала свою нелепость.

Девушка быстро подошла и, продолжая улыбаться, протянула мне свою тоненькую руку, на которой красовался браслет из разноцветных пуговиц.

– Привет, я Инна, – её голос женственный, но не высокий.

Я протянула руку и назвала своё имя, с любопытством рассматривая лицо девушки. Кончик носа немного закруглён, губы чуть потрескавшиеся, глаза слишком большие для миниатюрного лица. Но их цвет меня удивил. Не карие и совсем не голубые. Вроде бы серые, но не прозрачные или мутные, а тёмные у самого зрачка и чем ближе к краю радужной оболочки, тем светлее. Некий цветовой переход от чёрных блестящих зрачков до белков, неискажённых не одной красной ветвящейся линией.

– Маша, Мария, красиво звучит. У тебя благородное имя, – сказала Инна и поправила прядь волос, свисавших ей на лицо. Только тогда я заметила, оторвавшись от изучения её глаз, что передняя прядь выкрашена мелкими в ярко-красный цвет.

– А твоё имя довольно-таки редкое, – отметила я, всё ещё пытаюсь справиться со смущением, ведь она наверняка видела мои танцевальные творения.

Инна утвердительно кивнула, соглашаясь со мной, и задала вопрос, который, наверное, весьма странно задавать при

знакомстве с человеком:

– Ты не видела здесь выдру?

Я сквозь смех сообщила, что никогда не встречала этих товарищей. Инна, как мне показалось, расстроилась. Но уже через секунду её лицо снова приняло весёлое выражение и засияла добрая улыбка.

Два часа пролетели незаметно. О чём мы только не говорили! Удивительно, что я так быстро почувствовала себя абсолютно спокойно, комфортно и весело, будто знаю Инну много лет. Я задавала вопросы, а она с увлечением отвечала. Так я узнала, что она любит фотографировать природу: как и масштабные пейзажи, так и отдельный листик, на котором уселась божья коровка; что она очень любит рисовать, но не природу, а портреты людей или животных, особенно кошек, собак и кроликов. «Рисую кошку, главное – передать на листе её грацию, рисовать собак значит в первую очередь изобразить безграничную преданность и любовь в их глазах, но а кроликов я рисую, когда чувствую страх» – запомнились мне слова Инны. Оказалось, что ей по непонятной причине захотелось нарисовать выдру, для этого необходимо было эту выдру встретить и запечатлеть на фотографии. Почему-то Инна уверена, что на этом пруду есть такие зверьки.

Возвратившись в сердце города, мы погуляли в центральной аллее, поели мороженое в уютном кафе. Когда, попрощавшись и обменявшись номерами телефонов, я отходила в сторону дома, Инна окликнула меня, заставив обернуться.

– Неплохо танцуешь, – сказала она, подмигнувши мне, и в её словах, как и в улыбке, не было ни намёка на издевательскую лесть или насмешку. Я не почувствовала ни смущения, ни стыда. Ведь теперь мой нелепый танец послужит весёлым началом истории нашей дружбы.

Я вернулась домой в прекрасном расположении духа, но лишь переступив порог квартиры, услышала ругань родителей, доносящуюся из кухни. Я не смогла разобрать слов, но было ясно, что они спорили, грубо и злобно. Настроение сразу упало, и я быстро прошла в свою комнату, закрыв дверь. Четвертый скандал за последнюю неделю. Это слишком. Что-то явно случилось, но что именно, мне неизвестно. Я пытаюсь убедить себя в том, что мне не стоит вмешиваться, слепо надеюсь, что всё как-нибудь само обязательно уладится и станет как в прежние времена, когда в нашем доме царили любовь, нежность и уважение.

2 глава

Прошло несколько дней после знакомства с Инной. Она по-прежнему остаётся в моих глазах в самом лучшем свете, в каком предстала при знакомстве. Кажется, что у неё нет и просто не может быть недостатков. Или же она очень профессионально их скрывает. Инна – удивительно-творческий человек. Этому можно догадаться даже по её внешнему виду. Но она не похожа и не старается походить на тех чудаков-фриков, которые пытаются привлечь внимание, когда внутренний мир не блещет изобилием. В ней нечто большее. Я, конечно, не биоэнерготерапевт, но готова поспорить, что у этой девушки действительно сильная энергетика, которой она готова делиться с другими.

Инна старше меня на три года и, закончив школу с золотой медалью, она поступила в художественную академию. Неудивительно, что она одна из тех немногих людей, которые выбирая профессию, прежде всего хотят получать от неё удовольствие и превращают в неё своё хобби, особо не беспокоясь по поводу материального достатка.

Я всегда считала себя человеком, которому не очень-то нужно общение. Меня не пугало одиночество. Из него можно извлечь огромную выгоду. Одиночество помогает концентрироваться, собираться с мыслями и находить правильные решения. Но теперь, когда в моей жизни появилась Ин-

на, я чувствую острую потребность в общении с ней. Мне хочется излить ей душу, видеть в её глазах понимание и поддержку. Мне хочется выслушивать, узнавать все её секреты, завоевав доверие.

Я позвонила Инне и предложила прогуляться, но она ответила, что занята. Я очень расстроилась. Но сразу же отогнала мысли, что я её чем-то обидела, разочаровала или просто надоела Инне, и она не хочет меня видеть. Нет, я верила, что она действительно занята. Но мне так хотелось с ней поговорить. Тогда я достала свою тетрадку — вечную спасительницу — и решила записать раздумья, воспоминания, мысленно обращаясь к Инне:

«Я часто думаю о своём будущем. Теперь я чётко представляю в нём тебя. Мы станем взрослыми, но будем дружить как дети, даже лучше. Ведь наша дружба будет осознанной и особо ценной. И неважно, буду ли я успешной деловой женщиной, что мы будем вынуждены болтать в обеденный перерыв за чашкой офисного кофе, или я буду довольствоваться ролью жены, матери и хозяйки по дому, и ты будешь сидеть, пить налитый мною в спешке чай, а я буду болтать с тобой, пытаюсь успокоить ребёнка на руках, уследить за вторым, ползающим на полу... Я буду бегать по дому в халате и с пучком из волос на голове то в поисках бутылочки, талька или слюнявчика, то по кухне в поисках нужной кастрюльки или чайного пакетика. А ты будешь сидеть рядом, такая же счастливая, как и я. Почему я считаю, что буд-

ду счастливой? Как же может быть иначе? Несчастливы те, кто сами себя в этом убеждают. А мой отец с детства приучил меня к вере в лучшее, а главное подарил мне веру в себя. И я точно знаю, что всё самое лучшее я должна построить сама, причём неважно из чего. Пусть даже из пепла и пыли. Трудности? Конечно, они будут. Но как они меня привлекают! Ведь ничто не приносит такого удовлетворения, как их преодоление. И в этом моём убеждение тоже заслуга папы. Когда, ещё маленькой, по его наказу я пыталась делать ненавистные мне в прошлом отжимания, он поддерживал меня надеждами, что я буду рада от результатов. Тогда меня его слова не очень успокаивали. Я не понимала, зачем мне чего-то добиваться в отжиманиях, ведь я же девочка. Мне было тяжело, долго не появлялся этот обещающий много радости результат. Я смотрела на папины мега-мышцы и думала: ему-то легко говорить, но ведь и он когда-то был слабым, худощавым мальчуганом. Вскоре самое сложное время, когда кажется, что если не получается, то и не получится, прошло, и я поняла, о чём говорил папа. Действительно оказалось очень приятно устанавливать свои новые рекорды. Начинаешь ощущать силу сильнее, чем усталость и боль. Меня всегда удивляло, что папа никогда не заставлял меня делать больше отжиманий, никогда не повышал голос. Он предоставлял мне выбор: ещё раз выпрямить руки или упасть всем телом на пол. Если я выбирала первый вариант, он с одобрением и гордостью смотрел на меня, если второй – чуть цо-

кал языком и досадно опускал глаза, но никогда не говорил ничего обидного. Но мне становилось стыдно и обидно, что я такая слабая, не такая, как папа. И поэтому старалась изо всех сил выпрямить свои дрожащие руки, чтобы папа мной гордился и никогда не опускал с досадой свои красивые ярко-синие глаза. Я пыталась доказать ему свою силу. Но однажды папа сказал мне, что не нужно никому ничего доказывать, только самой себе. Себя, в первую очередь, я должна убеждать в том, что сильная. В тот день я поняла: папа вовсе не старается сделать из меня дочь-бодибилгершу, не столь нужны мои сильные мышцы. Ему важно, чтобы я была сильная духом. Прекрасно ощущать, что ты с каждым днём становишься лучше, что ты совершенствуешься. И дело не только в спорте. Отец заложил во мне стальной стержень, который никогда не даст мне ни перед чем и ни перед кем преклониться. Теперь я понимаю, что делаю отжимания, потому что хочу так. А не только потому, что боюсь видеть в папиных глазах досаду. Хочу – и это значит, что руки выпрямятся, ноги поднимут, мозг заработает. И с такой верой, силой, со стальным стержнем разве я могу позволить себе быть несчастной? Разве могу ошибиться в выборе пути? Даже если ошибусь в выборе пути, я всегда смогу ступить на другой путь или поменять направление. Не придётся мне разрываться на части, ведь я смогу всё объять. Всё, что захочу, на это хватит сил. Папа должен мной гордиться. Никогда я не должна видеть разочарование в его глазах. Этого я боюсь

невероятно. Всё таки есть один человек, которому я обязана кое-что доказать. И это то, что я достойна быть его дочерью.»

Мысли, подчинённые вдохновению, могут так закрутиться, что ты еле успеваешь записывать их. Как давно я этого не ощущала. Всё-таки, что бы мы не говорили про величие и красоту природы, больше всего людей вдохновляют люди. И мы должны быть друг другу за это благодарны.

3 глава

Утро в моей семье всегда проходит в одном и том же алгоритме. После всех процедур, позволяющих выглядеть презентабельно после сна, мы, наконец, всей семьёй собираемся за завтраком, усевших вдоль длинного стола, каждый на своё место. С одной стороны сидят мама с папой, с другой – я. Раньше со мной сидел мой старший брат Александр, но он учится в Москве и очень редко к нам приезжает. В последний раз, когда я его видела, помню, меня удивило, как он вырос и возмужал, как сильно переменялся. Даже не верится, что это тот самый весёлый мальчишка по прозвищу Санёк, с которым в детстве я была неразлучна. Тот самый мальчишка, с которым мы вместе играли днями напролёт, делились конфетами, бывало ссорились и даже дрались, но, разумеется, подушками. Когда мы подросли, стали больше разговаривать друг с другом, делится секретами, что обычно не свойственно брату и сестре. Саня всегда помогал и заступался за меня. Он заменял мне всех друзей. Как же его не хватает. В тот дождливый день, когда он садился в поезд, увозивший его в другой город, я и подумать не могла, что буду так скучать, даже – тосковать.

Мама тоже сильно переменялась после отъезда сына. Может я и сама себе это внушила, но мне всегда казалось, что её любимчиком является Саня. Скорее всего это так, ведь

он первенец да ещё и сын. Мама после стольких лет, в течение которых занималась воспитанием двух своих детей, вернулась на работу в салон красоты. В этом не было необходимости, и решение жены показалось папе странным. Он даже разозлился, приняв это как оскорбление. Ведь его жена имеет столько одежды и украшений, что многие знакомые женщины завидуют. А ей чего-то не хватает! Но для меня решение мамы было предсказуемо и понятно. Ей до тошноты надоели однообразные заботы по дому, надоело даже ходить по лучшим магазинам за дорогой одеждой и украшениями. Каждому хочется чем-то заниматься, осознавать, что ты делаешь что-то полезное, важное или хотя бы то, что тебе нравится. Одно и то же всегда надоедает, будь это даже отдых. А тут ещё и начались постоянные ссоры с мужем. Почти каждый вечер я слышу, как мама и папа разговаривают на повышенных тонах. Что они пытаются друг другу доказать? О чём спорят? Может это у них так проявляется кризис среднего возраста?

Вот и вчера вечером я слышала их грубые разборки, а сегодня утром они пытаются вести себя как ни в чём не бывало, думая или пытаясь заставить себя так думать, что я ничего не слышу и ничего не замечаю. Но из них плохие актёры, и, главное, я их хорошо знаю. Знаю их поведение естественное и неестественное, их привычки при двух вариантах поведения, их невольные движения при определённых эмоциях. Вот мама нервно закусывает губу и ловкими движениями

ями снимает омлет со сковороды и перекидывает на тарелку, затем небрежно смахивает с лица прядки светлых, почти белокурых, волос, автоматически нажимает нужные кнопки на вытяжке, другой рукой снимает с плиты чайник. Вот папа сидит передо мной, уткнувшись в газету, и всё никак не переворачивает лист, вероятнее всего перечитывает одно и то же предложение по нескольку раз, но не может понять о чём оно, так как мысли совсем не о борьбе за нераспределение ядерного оружия. А я сижу и молча жду свою порцию завтрака, боясь проронить слово в этой жутко напряжённой атмосфере. Кажется, случись сейчас что-то не то, и разразится ярость. Любое неловкое движение или слово, и с шумом разобьются чашки с горячим кофе, и разлетятся во все стороны бутерброды, и опрокинется на пол омлет. Я вижу, что родители на грани. Понимаю это по угрюмому выражению лица папы, по сердитому, будто злобному блеску его глаз, по искусанной маминой губе и по её заламыванию пальцев с длинными ярко-синими ногтями и по их чуть слышным ударам по столу.

Минуты две сохранялось напряжённое молчание. Раньше за завтраком обсуждались семейные дела, строились планы на день, а сейчас было даже как-то неловко оттого, что ты делаешь глоток кофе, или пережёвываешь омлет, а сидящие рядом это слышат. А ты вовсе и не чавкаешь, соблюдаешь правила этикета. Просто действительно на кухне очень тихо. Я впервые в жизни пожалела, что окна нашей квартиры

не выходят на шумную дорогу.

– Давай купим тебе новое платье к Дню рождения, – вдруг обратилась ко мне мама. Она даже не пыталась улыбнуться. Будто говорила о чём-то грустном и серьёзном, к примеру о жертвах какой-нибудь катастрофы. Но она говорила о моём празднике.

Я ничего не ответила, лишь кивнула в знак согласия. Летом я не слежу за датами. И поэтому, бросив быстрый взгляд на календарь, висевший на стене, весьма удивилась, до чего же быстро летит время. Уже через четыре дня мой праздник. Я особо никогда не готовилась к Дню рождения, как другие подростки. Потому что уже который год он проходит по одному и тому же сценарию, в одном и том же месте – в кафе на набережной. И всегда одни и те же гости. Мои ближайшие, близкие, дальние и наидальнейшие родственники, мамы подружки-парикмахерши с мужьями и детьми, папины коллеги с жёнами и опять же с детьми. Вообще, добрую половину гостей, приглашаемых на *мой* День рождения, я и не знаю как зовут. Мне их, конечно, представляли, но я не запомнила. Видимо, мой мозг решил, что данная информация ему не нужна, и можно придержать место в памяти для более важного. Но много гостей, пусть и мало кислорода, зато много подарков. Так что я давно убедила себя, что такой праздник меня устраивает. В принципе, выгодно. К тому же кафе на набережной мне нравится. Там вкусно готовят и звучит расслабляющая музыка. А вечером, выйдя на открытую

террасу, можно любоваться впечатляющим видом заката.

Но всё-таки в этом году должно быть одно изменение. Должен появиться ещё один гость – Инна. Я быстро и без всяких подробностей рассказала, что у меня появилась подруга, и я хочу, чтобы она присутствовала на моём Дне рождения. Но, к моему великому разочарованию, мама сказала, что уже заказала кафе на определённое количество человек и отправила этим людям приглашения, все они уже успели ответить согласием (наверняка ещё и с чересчур лестной благодарностью). Я почувствовала, как злость начинает закипать уже во мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.